

Эвелин Бризу-Пеллен

ОСОБНЯК

Клея и месть призраков

Эвелин Бриз-Пеллен
Особняк. Клеа и
мечь призраков
Серия «Особняк», книга 2
Серия «Хиты мирового
фэнтези для детей»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73560043
Особняк. Клеа и мечь призраков: АСТ; М.; 2026
ISBN 978-5-17-180098-7*

Аннотация

С тех пор как Клеа попала в Особняк, её не оставляли мысли о том, из-за кого и почему она оказалась здесь. Благодаря Лиаму ей стало немного теплее в этом странном месте. Несмотря на внутренние противоречия и собственные тайны, которые требуют расследования, он пытается помочь Клеа вспомнить подробности и найти преступника. Но его исследования и Карта становятся всё более опасными для него. И будто мало было проблем, из подземелья с серыми призраками сбегает двое «опасных» – и они жаждут мести.

Вас ждут новые захватывающие исторические расследования, трогательная история о любви и предательстве и новые мрачные тайны Особняка!

Атмосферное фэнтези о поисках смыслов жизни и смерти продолжается...

Для среднего школьного возраста.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	28
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Эвелин Бризу-пеллен

Особняк. Клеа и

месть призраков

Évelyne Brisou-Pellen

Le manoir. Cléa et la porte des fantômes – Tome 02.

© Bayard Jeunesse, 2013.

© Кожевникова М., перевод, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

* * *

Глава 1

Меня зовут Клеа.

Больше я ничего не помнила, когда приехала в Особняк. Что я оставила позади? Не знаю. Всё потонуло в густом тумане. Я ощущала только жуткий страх. Ледяные тиски сжимали мне горло и не давали дышать...

С каким невероятным терпением Лиам помогал мне выскользнуть из липких объятий страха! И понемногу я осмелела, ко мне стали возвращаться воспоминания. Но самое главное до сих пор ускользало. Я должна, должна узнать: кто?!

Я чувствовала, что ответ есть. Он во мне, но он замурован. Глубоко. Где-то в самой глубокой глубине. Лиам говорит, что я боюсь вспомнить. Но от приступов удушья я избавлюсь, только когда пойму, что же всё-таки произошло.

Кто меня убил?! Почему?!

Я рвусь из темноты на свет, но всё ещё в потёмках. Меня не пускает страх. Меня похитили, за меня потребовали выкуп, но за выкупом не пришли. Похититель стал убийцей. Всё вместе для меня непереносимо. НЕ-ПЕ-РЕ-НО-СИ-МО!!!

Хорошо, что теперь я знаю: со смертью начинается новая жизнь, она мне интересна. Но она сложная, во всяком случае если окажешься у нас... в Особняке.

Мне самой не верится, что я так говорю, потому что, когда я сюда приехала, я хотела только одного: немедленно отсюда вырваться! Я готова была кусаться, когда Лиам уговаривал меня выйти из комнаты и оглядеться, вместе со всеми позавтракать. Не хотела я быть со всеми! Никто мне был не нужен!

Тихо-тихо, шажок за шажком, Лиам меня приручал. Как Маленький принц Лиса. И теперь ничего не поделаешь – Лиам стал моим Принцем... Но это я так. Никто об этом не знает и не узнает никогда. И Лиам в первую очередь!

Беда, которая со мной случилась, как будто выжгла во мне всё, оставив только страх, гнев и отчаяние. Но я всё равно роюсь на этом пепелище, отыскиваю воспоминания, хочу сложить из них картину.

Как?! Как это могло случиться?

В тот день я, как всегда, шла домой из школы. Кто-то схватил меня, зажал мне рот. Он был одет в чёрную кожаную куртку и брюки – так одеваются байкеры... А школа? В какой я училась школе? Нет, не помню... Хотя... Стоп! С того места, где меня схватили, мне было видно море...

Сердце снова заколотилось. Всякий раз, когда у меня в памяти возникала новая подробность, меня охватывала паника. Меня пугало то, что высветит вспыхнувший лучик света. Почему? Этого я не знала.

Итак, улица была пустынной, справа и слева – стены, ограды, решётки. Моей подруги Блюэнн со мной в тот день не было. Байкер появился из тени, которую отбрасывала маши-

на, скрутил меня и запихнул в багажник. Да, он увёз меня на машине, а не на мотоцикле, хоть и был одет как байкер.

Мы ехали долго. Когда мой похититель открыл наконец багажник, он сначала завязал мне глаза, а потом вытащил. Мы вошли в закрытое помещение, спустились по лестнице. Пахло плесенью. Дальше темнота. Ничего не помню. Вот разве что верхушку заводской кирпичной трубы. Я её видела сквозь решётку верхнего маленького окошка.

Больше я не могла ничего вспомнить. Беспамятство почему-то меня успокаивало, хотя на самом деле это идиотизм, мне же необходимо добраться до правды, какой бы она ни была. Я к ней готова. Потому что очень хочу понять свою жизнь. И свою смерть тоже. Просто так в четырнадцать лет не умирают!

Стоит подумать о смерти, как я прихожу в ярость. Именно поэтому, как выяснилось, я и попала в Особняк. Все, кто здесь находится, не смирились со своей смертью. Особняк – пересадочная станция между миром живых и миром мёртвых. Все, кто принял свою смерть, отправляются дальше, уходят в потусторонний мир.

Что там, по ту сторону? Мы понятия не имеем. Там побывал только Леонид, но от него лишнего слова не добьёшься, он человек действия. На наше счастье. Он воин, и он нас защищает, потому что даже здесь мы не в полной безопасности.

Я услышала стук в дверь.

– Урок греческого! – услышала я знакомый голос.

Это был Лиам. Предупредил и пошёл по коридору дальше, не дожидаясь меня. Он всегда так делает. Даёт мне понять, что мы каждый сам по себе. Когда я вышла, его уже и след простыл.

Канделябры освещали пустынный коридор, рассыпая по паркету дрожащие светлые блики. Мда, света от них немного. Когда мне было плохо, полутьма меня успокаивала. Но бывало, что и тревожила. А вообще я люблю, когда светло... Вот бы Лиам посмеялся, услышав про мою любовь к свету: когда я только приехала, сутками могла сидеть в темноте.

Я дошла до середины коридора и тут услышала громкий скрип и замерла. Паника! Опять. В который раз. Я прижалась спиной к стене и зажала руками живот. Сердце выпрыгивало. Во рту появился вкус крови – видимо, сильно прикусила губу. В моей тюрьме этот звук предвещал что-то страшное, но что – я никак не могла вспомнить. Страшное и очень важное. Как если бы учитель в школе раздавал контрольные, а от оценки зависело всё твоё будущее. Нет, сравнение, пожалуй, слабое...

Я постояла и немного успокоилась. Я же не под замком – что мне мешает убежать? Я помчалась к лестнице и взлетела по ней через две ступеньки. Наверху снова замерла, прижавшись спиной к стене и поглядывая с опаской на лестницу вверх. Из-за двери библиотеки послышался голос Леонида:

– Греки победили в битве при Марафоне, но нужно было

срочно предупредить Афины быть настороже. Персидский флот, пустившись в бегство, мог причалить к берегу возле города. И тогда в Афины был отправлен гонец.

Я снова услышала скрип, мигом толкнула дверь и ввалилась в библиотеку.

Ну и перекошенное, наверное, было у меня лицо. Лиам посмотрел на меня круглыми глазами.

– А ты случайно не из Марафона? – насмешливо спросил Леонид. – Гонец, который бежал четыре часа по горам и ущельям под испепеляющим солнцем, добежав до Агоры, успел сказать: «Мы победили» – и умер. У тебя такой же вид...

Леонид, конечно, замечательный, а вот характер у него не сахар. Но тс-с-с! Он по головке не погладит, узнав, что кто-то посмел о нём так высказываться. В Спарте он был царём, и, по-моему, выдающимся. И это лишь одно из его достоинств. Он и теперь на страже, но теперь – нашего Особняка, и на него можно положиться, как на каменную стену. Зато по части психологии он профан. Ну да, спартанцам и в голову не приходило, что на свете есть такая штука? как психология.

Иногда такое нечуткое отношение ко мне Леонида даже помогало в том смысле, что заставляло взять себя в руки. Вот и сейчас его насмешка вправила мне мозги, и ответила я уже гораздо спокойнее.

– Память сыграла злую шутку: я услышала скрип. Так скрипела дверь, когда меня держали в подвале. И я... – Тут я перевела дыхание. – Я сейчас услышала такой же. Только

что.

В психологии Лео не шарил, но вот память – особенно в веках! – ему была небезразлична, поэтому я и упомянула её, но ни словом не обмолвилась о своём эмоциональном состоянии. Скрип двери и несколько секунд после него доводили меня до панички, потому что сообщали о приходе тюремщика. Лиам провёл расследование и узнал, что похититель держал меня в подвале не одну неделю. И я совсем не напрасно его боялась, в конце концов он меня убил.

– Ты уже слышала такой скрип у нас в Особняке? – спросил Леонид.

– Никогда.

Лиам молча собирал свои длинные светлые волосы в конский хвост – я знаю, так он хотел дать мне время успокоиться. Лиам, в отличие от Лео, более чуткий.

– Скрип напомнил тебе заточение, потому что доносился сверху? – уточнил он.

И тут до меня дошло: да, именно поэтому!

– Да, сверху!

Мы все невольно посмотрели на потолок.

Над нами был ещё один этаж с комнатами, а потом чердак, который всегда был на запоре. Туда не заглядывали даже в День поминовения мёртвых, когда обходили весь Особняк, совершая магический обряд, который защищал нас всех от серых призраков.

В глазах Лиамы мелькнуло беспокойство. Я это заметила.

– Пойду-ка проверю, – спокойно сказал Леонид и неслышным шагом волка-охотника выскользнул за дверь библиотеки.

Глава 2

Сидеть и просто ждать, с чем вернётся Леонид? Да ни за что! Если где-то затаилась опасность, она не застанет нас врасплох. Не прошло и пяти минут, как мы с Лиамом спустились в Оружейную комнату. Прошлые страхи понемногу рассеивались, зато я наживала новые.

В комнате с бронированной дверью не было ни одного окна, её освещали только канделябры – такие же, как в коридорах. Свечи горели себе и горели, и никто их не никогда не менял. Да, такой вот у нас Особняк.

Из развешанного по стенам оружия мы с Лиамом выбрали по короткому греческому мечу. Леонид сражается мечом, значит, мы – тоже. Но это не его приказ, а знак нашего восхищения. Леонид умный, волевой и умеет добиваться успеха. Прирождённый лидер. Он не подчиняет нас, не заставляет, он увлекает нас за собой своей харизмой. Царь, по-другому не скажешь.

Щиты мы брать не стали – слишком тяжёлые.

Прежде чем выйти из Оружейной, Лиам выглянул за дверь. Тихо. Мы встали посреди коридора, левое плечо к левому плечу – Леонид говорил, что такая позиция позволяет каждому следить за своей стороной и оставляет свободной правую руку с мечом.

И вот мы стояли с мечами в руках – и, если честно, я бы-

ла в ужасе. Смерть – вообще-то отдых после напрягов жизни, но не у нас в Особняке. Во-первых, потому что здесь у каждого свои проблемы, а во-вторых, из-за серых призраков, которые живут у нас в подземелье. Мы боимся, как бы кто-нибудь из них не вырвался в один прекрасный день на волю из этого подземелья, которое мы между собой называем «преисподней».

Из преисподней к нам наверх есть только один выход – дверь между двумя лестницами в холле. Эта дверь всегда заперта на два оборота ключа. Лиам однажды спускался вниз (и чуть было не остался там навсегда!). Он говорит, внизу ледяной холод и призраки, которые наводят ужас.

У серых призраков нет души, и они стремятся заполучить её у нас, потому что мы сохранили души после смерти. Если кто-то из них заполучит душу, он отправится мучить живых. В общем, злые духи всегда настороже.

Самое плохое, что один из серых уже заполучил душу. Он украл её у паренька по прозвищу Задавала. Тот не пожелал здесь никого слушать и поплатился за это жизнью. Точнее, смертью. В общем, не знаю, как лучше сказать... Он потерял душу и превратился в пепел, растворился. Почему случилось именно так, никто не знал. Серые вместе с жизнью теряли душу, но становились призраками и оставались на земле, а белые с душой, если украсть у них эту душу... В общем, не знаю, что с ними случалось, но что-то очень плохое.

Леонид тогда поймал укравшего душу призрака и запер

его в подземелье, но не скрывал, что этот призрак по-прежнему очень опасен.

Я внимательно слушала и старалась расшифровать каждый звук: это стрекочет швейная машинка Фанни, это капитан-пират стучит кулаком по столу за карточной игрой... Ничего необычного. И вдруг что-то снова скрипнуло у нас над головой. Мы оба замерли. В ту же секунду я заметила тень в конце коридора.

– Там! – Я нацелила в ту сторону острие меча и предельно сосредоточилась.

Но оказалось, что это был Леонид. Я издали узнала его львиную поступь, разлетающиеся волосы, покачивающиеся кожаные ножны на поясе. Подходя к нам, он красивым, точным движением вложил свой меч в ножны. Под кожей рельефно проступили напряжённые мускулы. Но на лбу Леонида залегла глубокая морщина, выдававшая скрытую тревогу.

– Вы что-то видели? – поспешно спросила я.

Леонид кивнул.

– Новую лестницу. На чердак. Ведёт к двери, она не видна из коридора.

– Этой лестницы не было? И двери, которая ведёт... на чердак?

– Да. Я заглянул за дверь, за ней – свалка вещей. Ни одной живой души.

– А что, если там дух, который украл душу Задавалы? –

спросил Лиам, и в голосе послышалось волнение. – Он вас знает, вы его однажды уже поймали, и, конечно, он от вас спрятался.

– Но он не мог сделать в Особняке лестницу, – не согласилась я с Лиамом. – Особняк принадлежит Раулю, и никто, кроме него, не может его перестраивать.

Особняк когда-то создал в своём **ВООБРАЖЕНИИ** Рауль. Он служил в таком Особняке мажордомом. Служит и теперь.

Мы постояли молча. Никто из нас в точности не знал, по каким законам живёт этот призрачный мир. Незыблемы в нём законы или переменчивы? Лео и Лиам переглянулись. Было время, когда они терпеть друг друга не могли и откровенно презирали, но теперь стали друзьями и оплотом защиты Особняка. Теоретически отвечал за наше заведение главный врач по фамилии Граф, он доктор-психиатр, всегда ко всем очень чуток и внимателен, но в нём нет задатков лидера, хоть он здесь и главный.

Обслуживание Особняка лежит полностью на Рауле, нашем мажордоме. Он его создал точно таким, каким помнил и в каком служил при жизни: внешний вид – замок XV века, внутри удобства XIX-го, чем и объясняется отсутствие электричества.

– Ну что? – спросил Лиам. – Ударим в большой колокол?
– Пока уверенность отсутствует, просто шепнём каждому – пусть держатся настороже, – остановил его Леонид.

Я изо всех сил старалась успокоиться.

– В любом случае серые призраки же не имеют возможности выбраться из подземелья...

Лео и Лиам промолчали. Серый призрак, заполучивший душу Задавалы, стал таким же, как мы, а каждый из нас способен действовать и что-то придумывать. Этот призрак мог и ключ от двери достать!

– Надо проверить дверь в подземелье, – как будто прочитал мои мысли Леонид.

И мы троём отправились в холл.

Глава 3

Когда мы убедились, что дверь под лестницей заперта, стало гораздо спокойнее. Лео присел на корточки и провёл пальцем по плитке перед дверью. На пальце осталась пыль цвета ржавчины. Но в Особняке никогда не было ни пылинки. Мы все втроём сразу же перевели взгляд выше. А выше была замочная скважина, и она тоже была в ржавой пыли.

– Быть такого не может... – прошептал Лиам.

В ту же секунду, словно уловив нашу тревогу, из административного отсека появился доктор Граф. Его кустистые брови были подняты, как два вопросительных знака.

– Проблемы?

– Дверь подземелья отпирали с внутренней стороны, – сообщил Леонид.

Главный врач провёл рукой по лысине, потом машинально взялся за пучки волос на висках, что служило признаком крайнего беспокойства.

– Проверю карточки, – решил он и повернул к кабинету. Верно! Если кто-то покидал замок, его карточка исчезала.

– А я поговорю с Раулем, – произнёс Лео и тоже исчез в коридоре вслед за доктором.

Мы пошли за ним следом.

Большая часть кабинетов административного отсека пустовала, комнаты были с открытыми дверями. Эта часть

освещалась дневным светом. Но стоило свернуть из него направо или налево, в коридоры – там уже горели светильники. Мы свернули за Лео налево, прошли до самого конца узкий коридор и уткнулись в стену с резной рамой из лепнины. Рядом была дверка, она была открыта, но Леонид всё равно в неё постучал.

Окон в маленькой комнатке не было, освещала её только керосиновая лампа. Здесь и жил Рауль. Я никогда у него не была, и мне здесь не понравилось: место оставляло какое-то гнетущее ощущение. В нишах в стене стояли горшки, тазы, кувшины (ими наверняка пользовались в давние времена), а ещё были сложены серебряные приборы – дорогая вещь, её не доверишь абы кому. Посмотришь – и не знаешь, куда попала: то ли на кухню, то ли в кладовку. Мажордом воссоздал обстановку, в которой жил, во всех деталях – на стене висели даже колокольчики, соединённые с комнатами хозяев, чтобы они могли вызывать его в любой час дня и ночи.

Его собственный уголок был очень скромным: узенькая кровать, стул и колченогий комод. Сразу становилось понятно, как жилось слугам в старину. Другое дело, что времени хандрить у себя в клетушке у них тоже не было.

Увидев нас, Рауль мгновенно встал, словно не имел права сидеть и заниматься своими делами. Лиам как-то сказал, что Рауль похож на Нестора из «Приключений Тинтина», и в эту минуту я тоже уловила это сходство. Увидев, как он вскочил, я почувствовала, как у меня больно сжалось сердце. Даже

после смерти, даже став в особняке самым главным распорядителем, он всё равно себя чувствовал подневольным слугой.

Лео был не из тех, кто ходит вокруг да около, перешёл прямо к делу без проволочек.

– Это вы сделали лестницу на чердак, Рауль? – спросил он.

– Я? На чердак? И не собирался, – удивлённо ответил Рауль, стоя навывтяжку.

– У нас появилась лестница на чердак.

Я впервые увидела, как безупречный слуга Рауль буквально потерял самообладание.

– Это... это не... невозможно. Где? – заикаясь, забормотал он.

– На третьем этаже в конце правого коридора.

Все почувствовали, что мажордом в растерянности.

– Когда-то там действительно была лестница... Но... Никто, кроме меня, не может менять этот Особняк.

– Рауль, Особняк – ТОЧНОЕ подобие того, где вы когда-то служили? – поинтересовался Лиам.

– Абсолютно точное, месье. Я полностью воспроизвёл его внутреннее устройство.

Внутреннее, но не внешнее. Этим и объясняется странное впечатление, какое невольно испытываешь, когда попадаешь в него впервые.

– Значит, там была на чердак лестница? – уточнила я.

– Да, мадемуазель, но я её убрал.

– Вы её убрали?

– Никто не может менять Особняк... – тут же подхватил Лиам, – кроме человека, который тоже о нём мечтает.

– Как это? – в недоумении переспросил Рауль. – Ни у кого не может быть такой же мечты, как у меня...

Он внезапно замолчал, во взгляде появилось сомнение. Леонид сразу это заметил.

– Так всё-таки есть кто-то ещё?

Рауль менялся буквально на глазах.

– Может быть... Был один человек, работавший в имении...

– Этот человек был достоин ада?

– Месье, я бы никогда не позволил себе... судить... – забормотал Рауль.

Но Леонид прервал его:

– Скажите прямо, Рауль, известен ли вам человек, который не хуже вас знал Особняк и мог оказаться после смерти в аду?

– Управляющий, – прошептал наконец Рауль, сделав над собой невероятное усилие. – Я считаю, он заслуживает ада.

– Двигаемся дальше, – удовлетворённо сказал Леонид. – Что он сделал, этот управляющий?

Раулю пришлось сесть на кровать – у него подгибались колени, он будто постарел на десять лет.

– Скверная история, месье. Он надругался над многими женщинами в усадьбе. А если отец или муж вставали на их

защиту, отнимал у них ферму и прогонял.

– А почему крестьяне от него так зависели? – удивилась я.

– Потому, мадемуазель, что фермы, где они жили и работали, им не принадлежали, они были арендаторами. Жили на земле владельца особняка.

– И владелец был заодно с управляющим?!

– Он находился слишком высоко. С такой высоты не заметны муравьи, что трудятся на земле.

– Хорошо устроился, – заметил Лиам.

– Думаю, с такой высоты он и за их деньгами не спускался, – сыронизировала я.

Рауль сразу же возразил с видом оскорбленного достоинства:

– Деньги, которые зарабатывают крестьяне, принадлежат и владельцу земли, мадемуазель.

– О деньгах поговорим позже, – предложил Лиам. – Расскажите, что случилось потом.

– После деревенских девушек управляющий занялся теми, что жили в особняке. Моя жена наняла дочку одной из поварих, чтобы помогать на кухне. Она была такая милая, мы все её очень полюбили, но мы слишком поздно поняли, что произошло, – она была обесчещена.

Рауль выразился высокопарно, сейчас никто так не говорит, но прозвучало это совсем не смешно.

– Наши господа, люди благородные, не могли допустить у себя в доме такого позора, не могла незамужняя девица,

ожидающая ребёнка, оставаться жить у них под крышей. Им пришлось её прогнать.

Я не поверила своим ушам:

– Женщина не могла иметь ребенка, если она не замужем?

– Нет, конечно! Люди от таких отрекались, а Бог наказывал. Это же грех.

– Бог, значит, наказывал за такой грех? – возмутилась я. – А чего тогда господа вмешивались? Дождались бы божьего наказания!

– Поспешили господа, и, выходит, наказали девушку людо, – прибавил едко Лиам. – Разве нет?

Рауль выглядел очень подавленным, но всё равно принял-ся защищать этих своих хозяев.

– Они не могли поступить иначе. О них стали бы очень плохо думать.

Слов нет, дебилизм в последней стадии!

– Значит девушку и управляющего выгнали... – подвела я черту.

– Конечно, нет, мадемуазель! Управляющего не выгнали, – к моему величайшему изумлению, ответил Рауль.

– Не может такого быть! Наказали жертву насилия, а не насильника?

– Девушке положено быть неприступной, – назидательно объявил Рауль.

– Неприступной – это как? Кто сильнее: девушка или мужчина-здоровяк? – возмутился Лиам.

Рауль, похоже, находился в затруднении.

– Закон не предусматривает наказания прелюбодеям... – немного помолчав, добавил он.

Прелюбодеи – слово-то какое! Так и несёт нафталином. Но я сразу же забыла о старинном слове, как только услышала конец фразы:

– Поэтому мне пришлось заняться этим делом самому.

– Вы, Рауль, сделались законодателем? – улыбнулся Леонид.

И правда, трудно было себе представить Рауля в роли Зевса-громовержца. Но вместо ответа Рауль просто продолжил рассказ:

– Утром, когда крошке предстояло нас покинуть, я очень тревожился. Куда пойдёт неоперившийся цыплёнок, который и за ворота усадьбы никогда не выходил? Я дал ей денег, чтобы было на что поесть и переночевать под крышей, пока она не найдёт себе работы. Но покоя у меня не было, я болел за неё даже больше её матери, потому что та всему покорилась.

Я посмотрела на Рауля совсем другими глазами: он всегда мне казался идеальным слугой и только, но, если он до сих пор в Особняке, значит, не смог принять свою смерть. Значит, был способен на бунт, на возмущение.

– В первый же мой свободный день, беспокоясь о её судьбе, я отправился разыскивать дитя, – продолжал тем временем Рауль. – Побывал в разных местах, но никто её не видел,

никто о ней не слышал. На следующей неделе отправился в другую сторону, и тоже ни слуху ни духу. Улетела маленькая птичка неведомо куда. А она обещала нам написать, сообщить, как устроилась. Но проходили дни, а мы не имели от неё никаких вестей.

Рауль сдержал слезу, чем очень меня удивил, я никак не ждала от него такой чувствительности.

– Мы же знали крошку с самого рождения. Она нам с женой была вместо дочери, потому как у нас своих детей не было, – будто оправдывался он.

Рауль говорил так, будто всё нам рассказал, но на самом деле не сказал самого главного. Поэтому я спросила:

– Но вы всё же узнали, где она устроилась, так ведь?

– Узнал. – Голос его зазвучал совсем глухо. – У нас на чердаке. На верёвке. Вот как устроилась наша крошка.

Рауль замолчал. Он сидел, опустив руки, и не шевелился.

Теперь мы поняли, почему мажордом уничтожил лестницу на чердак в Особняке.

Лео – он не такой чувствительный – опомнился скорее всех.

– Вы сказали, Рауль, что разобрались с управляющим самими... – начал было он.

Дворецкий снова выпрямился, но говорить ему явно было неловко.

– Ему не грозило наказание из-за девушек, но я постарался, чтобы его выгнали по другой причине. Я рассудил про

себя так: кто обманывает девушек, наверняка обманывает и многих других. Стал проверять счета, расспрашивать крестьян и обнаружил разницу между тем, сколько он с них собирал и сколько записывал в счёт. Разницу-то он клал к себе в карман. Я продолжал за ним следить и узнал, что он купил себе большой дом в двух лье от усадьбы. И тогда я сделал то, на что не считал себя способным: положил на бюро хозяина счета, а в них расписки арендаторов.

– Мы гордимся вами, Рауль! – воскликнула я.

И он улыбнулся, что случалось с ним так редко. Лицо у него стало живое, человеческое, я бы сказала, даже красивое, а обычно оно было как маска. Но оживление так же мгновенно его покинуло.

– Я понял. Значит, он здесь... Он в подземелье. Никто больше не мог восстановить эту лестницу.

– Значит, сбежали двое, – сделал вывод Лео. – Управляющий, который может манипулировать Особняком и сделать ключ от двери, и тот, кто был способен повернуть его в скважине. Для этого у второго должен быть телесный облик, каким обладаем мы. И это тот, кто «выпил» душу Задавалы.

Нас словно придавило свинцовой плитой. Первым заговорил Рауль.

– Они не могут завладеть замком, он защищён энергией, которую мы создали в день поминовения мёртвых, – тихим, глухим голосом произнёс он.

– Вот они и выбрали чердак, – заметил Леонид. – Его-то

мы не защитили, потому что никто не мог туда попасть. Мы возвращаемся на чердак, молодые люди. Приготовьте мечи.

Приказ Леонида нас встревожил. В первую очередь потому, что меч – против призраков оружие, скорее, психологическое. Или Лео знает другие примеры?

Глава 4

Доктор Граф сказал, что все карточки на месте. Это значит, что ни один из призраков не покинул Особняк. Если честно, я очень расстроилась. Хотя это эгоизм, я понимаю. И понимаю, что Особняк для того и существует, чтобы серые призраки не разгуливали на воле. Серые, бездушные призраки вообще-то мало на что способны, но, заполучив душу, они становятся крайне опасными для живых.

Леонид, Лиам и я поднялись по парадной лестнице с мечами в руках. В голове у меня крутились тысячи мыслей. Я успокаивала себя тем, что управляющий может прибавить к Особняку только то, что в нём уже было, а значит, мало чем может навредить.

Мы пошли другим коридором, не тем, куда выходят наши комнаты, прошли приёмный зал, которым никто никогда не пользуется, и поднялись на третий этаж. Я сразу почувствовала себя как в пустыне – на этом этаже была только библиотека на противоположном конце. Мы не решались переговариваться даже шёпотом, боясь разбудить эхо. Дошли до конца коридора и увидели лестницу на чердак. Леонид был прав: снизу не было видно, куда она приведёт. Держа мечи наготове, мы начали подниматься.

Да уж, эту лестницу точно не Рауль восстанавливал: все его лестницы в Особняке сверкали, каждая ступенька начи-

щена до блеска воском, а здесь... С каждым шагом всё мрачнее, всё темнее. На повороте мы остановились. Из-за двери на нас повеяло ледяным холодом, не оставив ни малейших сомнений: хозяевами чердака стали серые призраки. Вернее сказать, чердачного лабиринта, потому что верх Особняка – пока загадочная территория.

– Будьте настороже, рот на замке, – предупредил нас Лео. Казалось бы, чего проще – не открывать рот, но, оказывается, это очень трудно. А если тебе страшно, ты невольно приоткрываешь рот. На всякий случай я зажала рот рукой. Не имею ни малейшего желания, чтобы кто-то из серых отнял у меня душу.

Леонид медленно открыл дверь, а я едва удержалась, так хотелось мне кубарем скатиться вниз по лестнице.

На чердаке толстыми слоями лежала пыль, подтверждая, что Рауль давным-давно не переступал сюда порога. Моё предположение было правильным: мы попали в настоящий лабиринт – не одно поколение владельцев особняка отправляло сюда старую мебель и ненужные вещи. Чердаки – место особое, сюда всё сносят, но отсюда ничего не выносят. Серые призраки могли прятаться здесь где угодно. И если мы их не видели, то они нас видели наверняка. И хотя, возможно, это было не в наших общих интересах, но мне всё же очень хотелось, чтобы призраки побоялись встречи с царём Спарты и затаились где-нибудь подальше.

Лиам сжимал рукоять меча до того крепко, что у него по-

белели костяшки. Он шёл за Леонидом и наблюдал за пространством справа. Я наблюдала за пространством слева. Ни скрипа, ни шороха. Мы повернули налево, чтобы войти в следующее помещение, и я почувствовала, что коленки у меня подгибаются. Чем дальше мы отходили от двери, тем большей опасности подвергались. Леонид это, конечно, понимал и на середине пути сказал: «Поворачиваем и возвращаемся». Приходилось признать очевидное: даже если серые призраки на чердаке, найти их сейчас невозможно.

С невероятным облегчением я закрыла за нами дверь чердака. Леонид взялся за ручку и держал, чтобы она не открылась.

– Лиам прав, они от меня прячутся, – кивнул он. – Нападать они не будут, но и найти их невозможно. Самое лучшее – навсегда забить эту дверь.

– А почему они спрятались, а не убежали? – спросила я шёпотом.

– Уйти может только тот, у кого есть душа, – сказал Леонид, – уйти отсюда непросто. Чтобы сбежать из подполья, они, очевидно, заключили союз. Они нужны друг другу.

Я сразу заволновалась.

– Значит, управляющий будет нас подстергать, чтобы украсть душу!

Леонид неопределённо покачал головой, посмотрел на дверь и сказал:

– Она открывается внутрь, но мы всё равно её забьём.

– У меня идея. Подождите немного, – вмешался Лиам.

Он помчался вниз по лестнице, пока Леонид продолжал держать дверь.

– А вы знаете, кто именно завладел душой? – спросила я снова шёпотом.

– Нет. На карточке он записан как Жак.

Никаких фамилий, такое здесь правило. В Особняке мы представляем только самих себя, никого не интересует наше происхождение.

– Но доктор Граф считает, что и Жак не настоящее имя, – прибавил Лео.

Да, немного же расскажут нам такие карточки! Мне всегда нравилось, что главный врач не копается в досье своих подопечных, а теперь я пожалела, что нет средства заставить заговорить тех, кто не пожелал говорить. Мне бы хотелось узнать прошлое так называемого Жака и понять, чего можно от него ждать.

Лиам вернулся со стулом и повесил его на ручку двери.

– Старый надёжный способ, – улыбнулся он.

Леонид с любопытством осмотрел стул.

– Одобряю. Завтра Рауль повесит замок. А теперь вниз – тренироваться! Не теряйте время.

Честно говоря, мы с Лиамом не поняли, чего от нас хочет Леонид, но пошли за ним следом в Оружейную комнату.

– Ввиду опасной ситуации я научу вас, как сражаться с серыми призраками.

– А что, с ними и вправду можно сражаться? – удивился Лиам.

Благодаря особой атмосфере Особняка те, у кого есть душа, остаются видимыми, хотя тел у нас нет.

– Точно нанесённые удары ослабляют жильцов подземелья, – сообщил Лео. – Нужна концентрация.

С этими словами он широко расставил ноги и поднял меч вверх. Мы встали в такую же позицию.

Мысленная концентрация, какой учил нас Лео, требовала адской работы. Для того чтобы удар достиг цели, нужно было его задумать, представить движение меча и увидеть место, куда он должен попасть. Собственно, поразить призрака должна была наша мысль, а меч был лишь проводником. Лео настаивал: мы должны сражаться с ним и по-настоящему наносить удары, только так он мог контролировать, что у нас получается. Мы не соглашались. Мы ни за что не хотели причинить ему вред. Леонид нас успокаивал: ослабление произойдёт ненадолго, гораздо важнее нам стать полноценными воинами.

Должна признаться: услышав про настоящих воинов, я почувствовала гордость.

Но первая тренировка прошла без сюрпризов, зато дала понять, с какими трудностями придётся столкнуться – ни я, ни Лиам не смогли дотронуться до Леонида. Мы выбились из сил, пытаясь одолеть его защиту. С усталостью пришло и чувство безнадёжности. Мы попросили Лео сделать пере-

рыв.

– Две минуты, – кивнул Леонид, – и вы продолжите тренировку.

Невероятная щедрость!

– Я вас оставляю. Дела, – объявил он и вышел.

Мы уселись у стены на пол и попытались отдышаться. Через две-три минуты мы с трудом поднялись для тренировки.

– Знаешь, я тут подумал, – начал Лиам. – Если душа управляющего прогнила до такой степени, что попала сюда, он, наверное, совершил много больше чёрных дел, чем нам рассказал Рауль. Как считаешь?

Я вспомнила историю Рауля. Ему было около шестидесяти, смерть настигла его во время большого приёма. Почему его похоронили вскоре после ухода управляющего? Стоило задать себе этот вопрос, как тут же пришёл ответ на него: если Рауль сумел устроить так, что управляющего выгнали, то почему управляющий не мог ему отомстить?

Рауля могли убить! Точно так же, как меня!

И тут во мне вспыхнула такая бешеная ярость, что я ринулась в бой с удвоенной энергией. Я просто себя не помнила от злости. И пронзила Лиам мечом насквозь. Он согнулся напополам.

Глава 5

Как же мне было стыдно! Лиам лежал на полу с закрытыми глазами и не двигался. Когда он смог, наконец, подняться, то стал уверять меня, чтобы я не чувствовала себя виноватой, что травмы ему очень полезны, они учат его большей осторожности. Но что бы он ни говорил, он не встал на ноги, а сидел на полу у стены, опустив голову, – сил не было.

Я уселась рядом. Хотела оправдаться за приступ бешенства и рассказала, что подумала о Рауле. Возможно, его тоже убили. Сказала: одна эта мысль для меня невыносима. Вообще-то Лиам и так всё понимал. Он с трудом приподнял голову и еле слышно спросил:

– А если о тебе... Ты ничего не вспомнила?

– Я снова увидела улицу... На улице я была одна, хотя обычно возвращалась из школы с Блюэнн.

– А почему её с тобой не было?

Я удивилась, почему он вдруг этим заинтересовался. На этот вопрос я могла ответить. Провал, зияющая пустота – после похищения, но всё, что до него, я помнила.

– Её старший брат наглотался снотворного. Родителей не было, она сама вызвала скорую и поехала с ним в больницу.

– Странно, что тебя похитили... именно в этот день... – Лиам говорил с большим трудом. – Может, похититель знал... что ты пойдёшь одна?

– Откуда? Просто я шла одна, он и набросился.

– Схватил первую попавшуюся девчонку, и она оказалась золотым мешком.

– Каким ещё мешком, скажешь тоже! Но, возможно, он следил за мной. В тот день увидел, что я иду одна, и...

Лиам посидел молча, а потом спросил:

– А ты откуда узнала про брата Блюэнн?

Я удивилась ещё больше: при чём тут Блюэнн и её брат? Какое отношение её беды имеют к моим?

– Она позвонила мне из больницы «Каваль Бланш». Я, конечно, жутко расстроилась. В детстве я восхищалась её братом, особенно ямочкой на подбородке, я её обожала. Он на пять лет старше нас, высокий, здоровенный, гора мускулов.

– Понял. Атлет. Тощие волосатики таким в подмётки не годятся, – насмешливо скривился Лиам.

Я тоже скорчила насмешливую рожицу.

– Жаль, конечно, что маленькие дурочки балдеют от мускулов и грубых ухваток. У них дурной вкус, но с возрастом это проходит.

– Надеюсь.

– А маленькие дурачки разве не заглядываются на самых раскрашенных хохотушек?

Лиам засмеялся и кивнул.

– Как только тебе станет лучше, мы пойдём и поговорим с Раулем, – предложила я.

Лиам снова кивнул. Он родился с душой сыщика, и можно

считать, что ему повезло, потому что в этом мире у нас не осталось ничего, кроме души.

Лиам – вообще особый случай. Его лечили облучением, и оно сохранило ему подобие телесности, он виден даже в мире живых, а мы словно духи-невидимки. А вот в Особняке воздух способствует концентрации пикселей, и все, кто сохранил душу, сохраняет и свою внешность, так что многим сначала и в голову не приходит, что они переселились в иной мир. Я, например, совсем не сразу об этом догадалась. Лиам особенный и может делать вещи, которые другим недоступны. Но из-за этих же особенностей он оказался гораздо чувствительнее к травмам. Так что довольно долго приходил в себя после сквозной дыры в туловище.

В конце концов он поднялся на ноги, и мы отправились на поиски Рауля.

Мы нашли его на парадной лестнице, он полировал морды деревянных драконов, которыми заканчивались перила внизу. Бесполезно убеждать Рауля, что в Особняке не надо ничего полировать, здесь ничего не старится и не грязнится. Мы с ним сначала поболтали о том, о сём, а потом я задала вопрос, который нас очень интересовал: отчего он умер?

У него по лицу пробежало что-то вроде судороги, а потом он с присущим ему бесстрастным достоинством ответил:

– Этого я не знаю, мадемуазель.

– Это не могла быть месть управляющего? – предположил Лиам.

– Разумеется, нет, месье, – искренне удивился Рауль и добавил: – Он сразу же уехал. Он человек гордый. Его выгнали, и он не мог перенести такого позора.

Эх, Рауль! Святая простота! До сих пор судит обо всех по себе. Я гораздо моложе него, но уже знаю: есть страшные люди, способные на всё. Например, похитить девочку, которая ничего им не сделала, и убить её.

– Собственно, после того, как управляющего прогнали, я его больше никогда не видел, – прибавил Рауль.

– А кто-нибудь ещё его видел?

– Никто, мадемуазель. Он уехал сразу после обеда, мне сказали об этом на кухне.

Но Лиам не из тех, кого можно остановить на полпути. Он сразу задал следующий вопрос. (Хотя я видела, что ему ещё здорово плохо, но он никогда в этом не признается).

– А кухня... Она где?

– Кухня, месье?

– Не притворяйтесь, Рауль, что не знаете, – засмеялся Лиам. – Даже если теперь она никому не нужна, она всё там же, где и была.

– Может, она в подzemелье и теперь в ней хозяйничают серые призраки? – не удержалась я и подколола Рауля.

– Что вы такое говорите, мадемуазель? Я бы никогда такого не позволил. Тёмные духи обитают в винных погребах. Им закрыт доступ к кухне.

– А может, вы замуровали кухню, Рауль, потому что там

умерли? – Лиам посмотрел на Рауля инквизиторским взглядом.

– Ничего подобного! И не думал замуравывать. Поверьте, я был бы рад, если бы этот позор приключился со мной на кухне. Но, к моему стыду...

– Чего же вы стыдитесь?

– Стыжусь, что опозорился на благородном этаже, где как раз собрались гости. Я почувствовал себя плохо, вынужден был поставить поднос и поспешить вон из гостиной, чтобы не упасть в парадных покоях. На моё несчастье, я не успел добраться до кухни. У меня распухло горло, перехватило дыхание, и я упал прямо на ступеньках парадной лестницы. Какое унижительное положение! Сколько беспокойства моим дорогим хозяевам!

И в этом был весь Рауль! Чтобы позволить себе оставить поднос, ему нужно было оказаться при смерти. И, даже умирая, он беспокоился только о неудобствах для своих хозяев!

– Тогда почему вы закрыли доступ к кухне? – продолжил расспросы Лиам.

– Почувствовал это своим долгом, месье. А теперь, месье, мадемуазель, прошу меня извинить, меня призывают мои обязанности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.